

ТИХОНЪ ПЛАТОНЫЧЪ.

— Тихонъ Платонычъ кричитъ... Гляди, зайца убилъ, говорили молотившіе у себя на гумнѣ Березниковскіе крестьяне.—Ну, и глотка же здоровая! Какъ его разбираетъ!—смѣялись они.

Въ ближнемъ лѣсочкѣ кто-то кричалъ зычнымъ голосомъ:

— Го, го, го! собаченьки. Сюда, Баянуска! Сюда, Змѣйка! А-ля-ля, а-ля-ля!

Осенній вечеръ былъ необыкновенно тихъ. Отчетливо слышалось каждое слово.

— Что долго не приходилъ! а?... Виновать?...—раздавался въ лѣсу тотъ же голосъ. Ну, пойдемъ домой. Пора! Ночью волкъ съѣстъ.

Спустя немного времени, изъ лѣсочка вышелъ, съ двумя гончими, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, совсѣмъ кругленькій, начиная съ головы и небольшого носа, въ видѣ картофелины, и кончая короткими толстыми ногами, которыми онъ такъ усердно работалъ, что, несмотря на маленькіе неспорые шаги, шелъ довольно быстро. На охотникѣ было надѣто нѣчто вродѣ венгерки. Деревенскій портной немного перефасонилъ, спилъ ее очень коротко, отчего фигура охотника казалась еще круглѣе. Совсѣмъ не человѣкъ, а какой-то шарикъ катился изъ лѣсу. За плечами у него было ружье, а въ рукѣ убитый заяцъ.

— Радъ, что я его убилъ? спрашивалъ онъ собакъ. Ловко срѣзалъ? Онъ бѣжитъ, а я его—пафъ!

Кругленькій человѣкъ былъ владѣлецъ Березниковъ, Тихонъ Платонычъ, послѣдній потомокъ стариннаго дворян-

скаго рода Бузиныхъ. Въ довольно большомъ барскомъ домѣ, выдавшемъ лучшіе дни, онъ доживалъ свой вѣкъ почти въ полномъ одиночествѣ, если не считать лакея Антипыча, служившаго у него еще при крѣпостномъ правѣ, и простой бабы стряпухи, готовившей незатѣйливыя кушанья.

Невесела была его жизнь. Въ хорошую погоду онъ могъ еще и на охоту сходить, и такъ просто побродить по деревнѣ, перекинуться словечкомъ со встрѣчнымъ мужикомъ, посмѣяться съ деревенскими мальчишками, въ счастливомъ случаѣ даже пошутить и съ молодухой, если подобрѣе попадется; но что было дѣлать въ деревнѣ ему, человѣку одинокому, когда начинались дожди, да не переставали недѣли двѣ, какъ иногда, бывало, осенью, или когда приходила зима съ метелями, морозами, ночами безконечными?...

Въ зимнія ночи какъ-то сильнѣе чувствовалось одиночество. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда для городскихъ жителей только и начиналось настоящее веселье, открывались театры, клубы, когда въ городѣ, можетъ быть, слушали Мазини или назначали въ картахъ большой шлемъ безъ козырей, Тихону Платону чужа приходилось сидѣть въ своихъ Березникахъ, прислушиваться, какъ на дворѣ шумить метель да воетъ вѣтеръ въ трубѣ, или какъ Антипычъ храпитъ у себя въ комнатѣ во всю носовую завертку.

Если онъ не разучился говорить, не одурѣлъ и не спился отъ скуки, то только благодаря своимъ гончимъ: Баяну и Змѣйкѣ. Они замѣняли ему и семью и знакомыхъ. Онъ кормилъ ихъ, ласкалъ, бранилъ и разговаривалъ съ ними, забывая, что это не люди, а псы безсловесные. Сколько бывало хлопотъ, когда щенилась Змѣйка! Для нея приготавлилось въ углу, возлѣ дивана, особое помѣщеніе, огораживалось стульями и сверху завѣшивалось ковромъ. Антипычу приказывалось ходить потише, не стучать сапогами, не беспокоить собакъ и ему же поручалось забросить щенковъ, когда тѣ являлись на свѣтъ. Самъ хозяинъ уходилъ изъ дому на дѣльный день, не желая при этомъ присутствовать.

— Двухъ щенковъ оставь. Выбери, какіе получше, говорилъ онъ передъ уходомъ Антипычу. Пока я гуляю, ты все это безъ меня сдѣлай.

— Позвольте, сударь, всёхъ забросить,—просилъ Антипычъ, въ видахъ чистоты и опрятности.—Зачѣмъ вамъ лишнія собаки?

— Нельзя, братецъ, никакъ нельзя, отвѣчалъ сердобольный хозяинъ. Если взять всёхъ щенковъ, у Змѣйки молоко въ голову бросится. Ты въ этомъ ничего не понимаешь.

Когда подросли щенки, ихъ дарили сосѣдямъ, которые брали охотно, потому что гончія были хорошія.

Въ этотъ вечеръ, когда Тихонъ Платонычъ убилъ зайца и пришелъ домой, довольный своею охотою, онъ пообѣдалъ, накормилъ гончихъ и велѣлъ Антипычу ставить самоваръ.

Любилъ онъ посидѣть за чаемъ. Ему нравился шумъ самовара, комната казалась веселѣй, и пріятныя мысли приходили въ голову.

Заваривъ чай и снявъ со стѣнки гитару, онъ поплевалъ на колки, настроилъ и съигралъ для начала, чтобы размять руки, старинный, довольно трудный маршъ „на смерть генерала Кульнева“, потомъ спѣлъ не сильнымъ, но пріятнымъ теноромъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Пѣсни начинались большею частію съ ахъ!, да охъ!, какъ!, да ужъ! Всѣ онѣ были грустныя, протяжныя и очень нравились сосѣдямъ, которые иногда заѣзжали въ Березники. Знатоковъ музыки въ уѣздѣ не было и наши новыя оперы, въ которыхъ, вмѣсто пѣнія, есть только протяжный разговоръ подъ музыку, навѣрное, никому не понравились-бы.

Наигравшись и вдоволь напившись чаю, Тихонъ Платонычъ сталъ ходить по комнатѣ. Подошелъ къ окну, посмотрѣлъ сквозь стекло,—на дворѣ тьма египетская.

— Хорошо, еслибы кто-нибудь заѣхалъ, подумалъ онъ.

Изъ сосѣдей почти никто не проѣзжалъ мимо Березниковъ, не заѣхавъ къ радушному хозяину. Для гостя тамъ всегда имѣлась приличная закуска: сыръ, икра, сардины, вино всякое; про наливки-же и говорить нечего. Такихъ вкусныхъ наливокъ, какія дѣлались въ Березникахъ, не купишь за деньги. Цѣлая комната въ домѣ была обращена въ кладовую и сплошь заставлена разными настойками и на-

ливками домашняго приготовленія. Тамъ были: и полынная, и рябиновая, и листовка, и смородинная, и какая-то особенная, настоенная на брусникѣ, въ которую для запаха Тихонъ Платонычъ подбавлялъ высушенныхъ цвѣтовъ черемухи. Очень вкусная настойка! Когда заѣзжалъ въ Березники предсѣдатель управы, Семенъ Петровичъ, большой знатокъ и любитель настоекъ, то всегда спрашивалъ брусничную. Хозяинъ, чтобы не забыть этого, приписалъ карандашемъ сбоку на бумажкѣ, которая была привязана къ бутылѣ съ названіемъ настойки: „Семенъ Петровичъ“.—Такихъ приписокъ на ярлыкахъ было довольно много. Кому изъ гостей что нравилось, тотчасъ же для памяти и записывалось.

Сосѣди любили Тихона Платоныча не за однѣ наливки и настойки, но также за удивительную доброту и мягкость характера. Пріѣдутъ, напьются, наѣдятся, а потомъ, вмѣсто благодарности, станутъ трунить надъ хозяиномъ.

— Пора-бы вамъ жениться, говоритъ подвыпившій гость, зная, что хозяинъ на этотъ счетъ очень стыдливый.

— Будетъ вамъ, перестаньте пожалуйста! конфузился Тихонъ Платонычъ.

— Безъ шутокъ, пора! продолжалъ гость. Вы не смущайтесь, что у васъ на головѣ лысина. Это вамъ за простоту Богъ лица прибавилъ.

— Спросите-ка его, говорилъ другой гость, за что его въ гимназій прозвали пудофутомъ?

Въ гимназій, дѣйствительно, его называли въ насмѣшку пудофутомъ, по слѣдующему случаю:

Тихонъ Платонычъ въ молодости учился плохо и отвѣчалъ большею частію то, что подсказывали товарищи, причемъ, конечно, не обдумывалъ отвѣтовъ, а старался только слушать, что подсказывали. Иногда случались очень смѣшные отвѣты. Напримѣръ: учителю географіи онъ сказалъ, что въ Аравіи есть провинція Жидъ (подсказывали Неджедъ); учителю русскаго языка сказалъ, что слово „корова“ рода дамскаго. Иногда, желая пошутить, товарищи подсказывали всякій вздоръ. Спросилъ у него учитель исторіи, кто основалъ Римъ? Подсказали—пудофутъ. Онъ такъ и отвѣтилъ, къ общей потѣхѣ всего класса. Съ тѣхъ поръ не только

товарищи, но и нѣкоторые изъ учителей стали его называть пудофутомъ.

— Господинъ пудофутъ-сь, вызывалъ его учитель исторіи. Расскажите намъ, что вы знаете про Лотаря.

— Лодырь, король французскій, жилъ...

— Довольно-сь, садитесь! прерывалъ учитель. Сами вы лодырь.

Насмѣшками и вышучиваніемъ платили милые сосѣди за гостепріимство и радушіе добраго человѣка. Несмотря на то, Тихонъ Платонычъ и въ этотъ вечеръ, шагая по комнатѣ, прислушивался, не подѣдетъ-ли къ дому кто-либо изъ сосѣдей.

— Можетъ, кто-нибудь поѣдетъ мимо и заѣдетъ ночевать, думалъ онъ.—Выпили-бы съ нимъ, поужинали, поговорили... Какъ было-бы пріятно!

Посмотрѣлъ онъ на часы,—не было восьми; ужинать, слѣдовательно, рано. Баянъ и Змѣйка крѣпко спали, растянувшись возлѣ теплой печи. Змѣйкѣ что-нибудь приснилось. Она съ закрытыми глазами била по полу хвостомъ и повизгивала. Тихонъ Платонычъ подѣлъ къ собакамъ и погладилъ ихъ. Змѣйка проснулась, подняла голову, но потомъ растянулась еще свободнѣе: привыкла къ ласкамъ хозяина. Вдругъ Баянъ всталъ, послушалъ немного и залаялъ. Возлѣ дома раздался стукъ колесъ по мерзлой землѣ (ночью подмораживало) и прекратился у крыльца.

— Антипычъ, посвѣти скорѣе! Тамъ кто-то пріѣхалъ, засуетился Тихонъ Платонычъ. Молчи, Баянъ! кричалъ онъ на лаявшую собаку.

— Грѣшныхъ въ рай пускаютъ? можно войти? спрашивалъ кто-то въ передней.

Въ комнату вошелъ человѣкъ большого роста, съ животомъ, въ видѣ дорожнаго, туго набитаго чемодана, который такъ и лѣзъ наружу изъ-подъ застегнутаго длиннополага сюртука, и съ лицомъ краснымъ, толстымъ и лоснящимся, совсѣмъ такимъ, какъ поется въ одной крестьянской пѣснѣ

У того-ли у Ивана

Лицо круглое, румяно,

Приубито, приухато,
Приумаслено *).

— Акимъ Петровичъ, голубчикъ! Какъ хорошо сдѣлали, что заѣхали!—говорилъ Тихонъ Платонычъ. Я только-что собирался ужинать, но одному скучно.—Антипычъ, принеси намъ чего-нибудь закусить. Съ дорожки погрѣться надобно. Полынной принести? А? Или можетъ быть рябиновой? У меня хо-ро-шая.

— Уфъ! Не до полынной мнѣ! сказалъ Акимъ Петровичъ, грузно опускаясь на стулъ.—Со мной такое приключилось, что горше полыни.—Графъ пріѣхалъ!.. добавилъ онъ, вздыхая, какъ паровикъ, приче́мъ зажмури́лъ глаза и сдѣлалъ такую гримасу, какъ-будто проглотилъ что-нибудь очень кислое.

Акимъ Петровичъ, или Акимъ Петровъ сынъ Никифоровъ, какъ онъ подписывался на дѣловыхъ бумагахъ, былъ управляющимъ большого сосѣдняго имѣнія графа Мухина. Самъ владѣлецъ жилъ въ Петербургѣ, ничего въ хозяйствѣ не понималъ, и потому управляющему жилось хорошо.

— Развѣ что-нибудь—того?... то-есть, несовсѣмъ въ порядкѣ? спросилъ Тихонъ Платонычъ.

— Насчетъ денегъ—цѣло..., отвѣтилъ Акимъ Петровичъ,—но сердце трепещетъ... Хотѣлъ графъ завтра въ рошу ѣхать, и ружье съ собой изъ Петербурга привезъ.—Поохочусь, говорить, и посмотрю кстати—нѣтъ-ли у тебя порубокъ.—Ну, а сами знаете, Тихонъ Платонычъ, каковъ здѣшній народецъ... Волосы выкрадутъ съ головы,—не услышишь!... Есть въ лѣсу изъянецъ, есть...

*) Въ Торжковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, крестьянскія дѣвушки такимъ образомъ похваляютъ въ хоровахъ красоту какого-то Ивана:

Не люблю я барина,
Не люблю боярина,
Полюблю я Ванечку,
Парня чернوبرаго.
Ваня чисто ходитъ,
Сибирочку носить.
Сибирка въ обтяжку,
Часы во кармашѣ.
У того-ли у Ивана
Лице круглое, румяно,
Приубито, приухато,
Приумаслено.

Попробуйте послѣ этого понравиться торжковскимъ дѣвицамъ!..

— Вы-то при чемъ? спрашивалъ Тихонъ Платонычъ. Въ порубкахъ лѣсникъ виновать, а не вы.

— А лѣсника кто нанималъ?—Я... Стало-быть, и вина моя. Нѣтъ, и не говорите лучше!... Найдутся порубки, по головѣ не поглядятъ.

— Богъ милостивъ! утѣшалъ Тихонъ Платонычъ. Выкушайте съ дорожки рябиновой, и я съ вами выпью.

— И пить не стану, пока моему горю не поможете, говорилъ Акимъ Петровичъ.—Выручите! За отца-благодѣтеля считать буду.

— Что-же я могу сдѣлать? удивился Тихонъ Платонычъ.

— Пріѣзжайте завтра къ намъ въ рошу на охоту. Затѣмъ собственно къ вамъ и пріѣхалъ. Не отъ себя, отъ графа. Сказалъ я ему, что у васъ гончія хорошія. Какъ узналъ онъ, такъ и говоритъ: поѣзжай къ барину и проси, чтобы прислалъ собакъ поохотиться, а всего лучше, пусть самъ пріѣзжаетъ. Вмѣстѣ-бы, говоритъ, и поохотились. Я, признаюсь, сказалъ, что вы съ удовольствіемъ, потому какъ знаю,—человѣкъ вы добрый.

— Какъ-же это такъ? Я съ графомъ незнакомъ. Потомъ, кто его знаетъ? Пожалуй, собаку у меня застрѣлить. Приметь за лисицу, и выстрѣлить.

— Что вы, Тихонъ Платонычъ! Какъ это возможно?!.. Онъ также охотникъ. Изъ Петербурга куда-то нарочно ѣздилъ за медвѣдемъ... Нѣтъ, вы, пожалуйста, выручите меня. Займется онъ охотой, меньше кляузъ будетъ: а тамъ уѣдетъ, и Богъ съ нимъ. Всего-то хотѣлъ пробыть здѣсь дня два.

Тихонъ Платонычъ сознавалъ, что нехорошо помогать Акимъ Петровичу въ обманѣ графа; но не таковъ былъ Акимъ, чтобы не уговорить простодушнаго и безхарактернаго человека.

Выпили рябиновой, закусили, потомъ еще выпили. Кончилось тѣмъ, что согласіе было дано.

На другой день, проснувшись очень рано и напившись чаю, Тихонъ Платонычъ, по обыкновенію, передъ охотою накормилъ собакъ.

— Натощакъ-то, братъ. того... не разгуляешься, говорилъ онъ.

Подѣхали къ дому дрожки, присланныя за нимъ Акимомъ Петровичемъ.

Лѣсъ графа Мухина былъ недалеко отъ Березниковъ и часамъ къ семи утра охотникъ со своими собаками былъ уже въ графскомъ лѣсу, возлѣ лѣсной сторожки. Самъ его сіятельство еще не пріѣхалъ; но скоро потомъ подкатила коляска, изъ которой вышелъ молодой человѣкъ, графъ Мухинъ. На немъ былъ красивый охотничій костюмъ.

Подойдя къ Тихону Платонычу, графъ поклонился, назвалъ себя и поблагодарилъ за удовольствіе вмѣстѣ поохотиться. Въ свою очередь, Тихонъ Платонычъ поздоровался, причемъ, по старомодному обычаю, шаркнулъ ножкой и сдѣлалъ это такъ неловко, что графъ не засмѣялся только потому, что былъ человѣкъ хорошо воспитанный. Коротенькая венгерка, кругленькій носикъ, имѣвшій видъ картофелины и покраснѣвшій отъ утренняго холода, маленькія толстыя ножки, которыми такъ неудачно шаркнулъ Тихонъ Платонычъ, все казалось смѣшнымъ петербургскому жителю.

„До чего можетъ довести деревенская глушь“, подумалъ графъ. „Можно-ли себѣ представить, что это потомокъ стариннаго дворянскаго рода Бузиныхъ?“ продолжалъ онъ думать, поглядывая на суетившагося возлѣ собакъ охотника.

— У васъ гончія, повидимому, очень хорошія, сказалъ онъ.

— Гончія ничего-съ, хороши, отвѣтилъ Тихонъ Платонычъ. Только вотъ они у меня рыжія, вродѣ, какъ-бы вамъ сказать, лисицы-съ. Нечаянно можно и того... стрѣлнуть въ нихъ по ошибкѣ.

— Нѣтъ, лисица на нихъ непохожа, сказалъ увѣренно графъ. У той хвостъ большой, пушистый, а у вашихъ собакъ—немного крючкомъ.—Вы меня извините, что я опоздалъ, продолжалъ онъ. Велѣлъ разбудить себя вотъ этому господину, да онъ, должно быть, самъ проспалъ, показалъ онъ на Акима Петровича, который пріѣхалъ вслѣдъ за графомъ и держалъ въ рукѣ корзину съ провизіей.—Гдѣ-же мы будемъ охотиться? спросилъ графъ Тихона Платоныча.

— Здѣсь вездѣ хорошо. Можно прямо собакъ пускать. Если поднимутъ лисицу, то она непременно пойдетъ мимо

тѣхъ кустовъ, сказалъ Тихонъ Платонычъ, показывая графу небольшой оврагъ возлѣ лѣса, заросшій кустами орѣшника.

— Не хотите-ли закусить? предложилъ графъ. Въ противномъ случаѣ, затѣмъ терять золотое время?

Отъ завтрака Тихонъ Платонычъ отказался и спустилъ собакъ.

Акимъ Петровичъ съ графомъ отправились къ оврагу и стали при концѣ его, прикрытые густымъ и частымъ орѣшникомъ, а Тихонъ Платонычъ пошелъ по тропинкѣ, которая отъ лѣсной сторожки вела въ середину лѣса.

Осень стояла въ этомъ году очень долго. Хотя былъ конецъ Ноября, но снѣгъ еще не выпалъ. Дни стояли свѣтлые, солнечные; ни одна тучка не туманила яснаго неба; въ воздухѣ было тихо, и по утрамъ, когда въ деревняхъ топили печи, столбы дыма высоко стояли надъ трубами, не зная, въ которую сторону покачнуться. Къ ночи подмораживало и березовый лѣсъ покрывался инеемъ, какъ серебряными нитями, ярко выдѣляясь отъ золотого цвѣта опавшихъ листьевъ, которые лежали мягкимъ ковромъ на лѣсныхъ дорожкахъ. Часамъ къ десяти утра теплые лучи солнца снимали съ лѣса серебряный уборъ. Довольно глубокая рѣчка, которая текла возлѣ Березниковъ и затѣмъ поворачивала къ графскому лѣсу, огибая его съ двухъ сторонъ, покрылась тонкимъ льдомъ. Не замерзли на ней только быстрые, мелкіе мѣста, такъ называемые перекаты.

Дойдя до небольшой поляны въ лѣсу, Тихонъ Платонычъ остановился. Кругомъ былъ молчаливый, заснувшій лѣсъ. Ни одна вѣтка не колыхалась на деревьяхъ. Не было слышно ни звука, ни шелеста.

Эти минуты ожиданія, что вотъ-вотъ отзовется гончая, были для Тихона Платоныча лучшими моментами охоты. Онъ любилъ прислушиваться, какъ Змѣйка, почувывъ слѣдъ, подавала голосъ, сначала неувѣренно, потомъ сильнѣе, настойчивѣе; какъ затѣмъ басомъ поддакивалъ ей Баянъ, точно выговаривалъ: да, да, тутъ! Любилъ онъ своихъ собакъ въ эти минуты.

Змѣйка и на этотъ разъ причуяла первая. Гдѣ-то далеко раздалась ея высокая, чистая нота, и опять все смолкло.

Вотъ еще разъ, еще... и затѣмъ она звонко залилась, со-всѣмъ какъ заплакала. Съ какой-то злобной хрипотой въ голосѣ заахалъ Баянъ. Ожили мертвые деревья и по спящему лѣсу разлилась и покатилась могучая пѣсня.

Пусть люди старые и опытные доказываютъ, что охота есть занятіе жестокое, кровожадное, и потому безнравственное. Надобно полагать, что не они перестали этимъ грѣшить, а самый грѣхъ отъ нихъ отступился, испугавшись ихъ преклоннаго возраста. Слова, самыя умныя, останутся словами. Одна природа вѣчно правдива, бесспорно прекрасна, и не умретъ охота съ гончими, пока человѣкъ будетъ состоять не изъ одного брюха, а на землѣ останется хотя одинъ уголокъ, не занятый мебелированными комнатами или банкирской конторой. Всегда найдутся добронравные Іаковы, которые, прикрываясь бараньей шкурой, добьются первенства, купленного у голоднаго брата за чечевичную похлебку, но не переведутся и простодушные Исавы, умѣющіе любить, понимать природу и находить въ этомъ для себя высокое наслажденіе. Кто изъ нихъ настоящій бѣднякъ, сытый ли Іаковъ, или голодный Исавъ,—это еще вопросъ, на который мудрено отвѣтить.

Собаки гнали по лисицѣ, и она, сдѣлавъ по лѣсу большой кругъ, пошла къ полянѣ, на которой стоялъ Тихонъ Платонычъ. Затаивъ дыханіе и спрятавшись за небольшой березкой, онъ, судя по тому, какъ гнали собаки, ожидалъ лисицу въ концѣ поляны. Вдругъ ему послышалось, что позади него зашелестѣли листья на той тропинкѣ, по которой онъ пришелъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ лисицу, которая шла прямо на него и навстрѣчу гнавшимъ собакамъ.

И человѣкъ, и животное взглянули другъ на друга, что называется глазъ въ глазъ, и на мгновеніе оцѣпенѣли.

Первая очнулась лисица, сразу скинулась въ сторону и скрылась въ лѣсу. Хитрый звѣрекъ обманулъ человѣка, насмѣялся надъ нимъ. Прозѣвалъ охотникъ, не успѣлъ сдѣлать выстрѣла... въ другой разъ будетъ внимательнѣе.

Не смолкая гнали Баянъ и Змѣйка. Обѣжавъ кустами возлѣ поляны, они съ тропинки, гдѣ скрылась лисица, повели къ оврагу, возлѣ котораго стояли графъ и Акимъ Петровичъ.

Скоро тамъ раздался выстрѣлъ.

Тихонъ Платонычъ въ первое время испугался и сталъ слушать, не завизжитъ ли подстрѣленная собака, но гончія гнали попрежнему и сразу замолчали.

Слышно было, какъ кричалъ графъ:

— Убилъ, ей-Богу, убилъ! Акимъ, отгони собакъ: разорвуть!..

Когда подошелъ къ оврагу Тихонъ Платонычъ, то увидѣлъ, что графъ держалъ лисицу за шею и махалъ ею.

— Лисица! кричалъ онъ. Въ Петербургъ увезу... пріятная охота!

Гончія подошли къ своему хозяину. Онъ взялъ было ихъ на смычки, но графъ попросилъ еще разъ пустить.

Тихонъ Платонычъ привыкъ охотиться одинъ, не стѣсня себя присутствіемъ посторонняго человѣка, любилъ поговорить со своими собачками, похвалить ихъ или сдѣлать выговоръ, рассказать имъ, какъ онъ ловко срѣзалъ зайца или прозѣвалъ лисицу. При постороннемъ-же человѣкѣ онъ чувствовалъ себя неловко, но, по своей добротѣ, не могъ отказать графу, особенно, когда увидѣлъ, какъ тотъ радовался убитой лисицѣ.—„Богъ съ нимъ“, подумалъ онъ. „Можетъ быть и еще убьетъ“!—и спустилъ собакъ.

Долго не отзывались гончія. Охотники, разговаривая, прошли до конца лѣса. На самой опушкѣ, возлѣ рѣчки, у нихъ изъ-подъ ногъ выскочилъ русакъ, и, пробѣжавъ по берегу, скрылся въ лѣсу. Назвали собакъ и навели на слѣдъ. Русакъ попался рѣзвый, сильно опередилъ гончихъ, и, сдѣлавъ кругъ, выбѣжалъ опять къ рѣчкѣ, присѣлъ и сталъ прислушиваться къ гону, поводя ушами. Посидѣвъ немного, онъ, не торопясь, маленькими прыжками направился къ лѣсу. Въ это время его замѣтилъ графъ, стоявшій на опушкѣ, и выстрѣлилъ по немъ. Русакъ заложилъ уши и круто повернулъ къ рѣчкѣ. На выстрѣлъ выскочили изъ лѣсу гончія и заложились по зрячему. Черезъ минуту русакъ показался на другомъ берегу и скоро скрылся изъ глазъ; гончія же, спустившись къ рѣчкѣ, сразу замолчали, а спустя немного времени, начали жалобно визжать. За крутымъ берегомъ не было видно, что съ ними случилось.

— Должно быть ледъ обломился, кричалъ Тихонъ Платонычъ, бѣжавшій къ рѣкѣ и какъ-то безпомощно махавшій руками.

Когда охотники подошли къ берегу, то увидѣли, что обѣ собаки провалились почти по срединѣ рѣки и плавали тамъ на небольшомъ пространствѣ обломившагося льда, стараясь на него выбраться. Уцѣпившись когтями за тонкій и гладкій, какъ стекло, ледъ, онѣ немного поднимались изъ воды, но потомъ срывались и погружались съ головою въ воду.

Требовалась очень небольшая помощь, чтобы спасти ихъ, но ничего нельзя было сдѣлать. Собаки были такъ далеко отъ берега, что было невозможно обломать ледъ и проложить имъ дорогу. Никакая длинная жердь до нихъ не достала-бы.

Змѣйка визжала и жалобнымъ осмысленнымъ взглядомъ смотрѣла на Тихона Платоныча, который отъ большого горя совсѣмъ потерялъ рассудокъ и бросился было къ рѣкѣ, даже ступилъ ногою на ледъ и, конечно, тотчасъ-же провалился въ воду выше колѣнъ. Можетъ быть, рискуя утонуть, онъ полѣзъ бы дальше, но его ухватили графъ и Акимъ Петровичъ и насильно оттащили отъ рѣки.

— Змѣйка моя! милая Змѣйка! бѣдная! говорилъ Тихонъ Платонычъ.

Будто послушавшись своего хозяина, Змѣйка нырнула подъ ледъ и поплыла къ берегу. Сквозь ледъ, какъ черезъ стекло, видно было, какъ она спѣшно работала подо льдомъ ногами.

Всѣ замерли въ ожиданіи.

Не доплывъ до берега аршинъ пяти, Змѣйка глухо застонала, легла на бокъ, слабо шевеля ногами и ее медленно понесло по теченію. Только пузыри воздуха бѣлыми пятнами подо льдомъ обозначали ея слѣдъ.

Спустя немного времени таже участь постигла и Баяна, только онъ не нарочно нырнулъ, а сорвался нечаянно и его подтянуло подъ ледъ теченіемъ.

Тихонъ Платонычъ какъ-то сразу ослабѣлъ. Онъ сѣлъ на землю, закрылъ руками лицо, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, и горько заплакалъ.

Графу было также жаль собакъ. Онъ не могъ забыть глухого, жалобнаго стона Змѣйки подо льдомъ, когда она выбилась изъ силъ. — „Какихъ нибудь пять, шесть аршинъ не доплыла до берега“, думалъ онъ и графу захотѣлось скорѣе уйти отсюда, чтобы не видѣть этого мѣста.

— Пойдемте, сказалъ онъ осиротѣвшему охотнику, дотронувшись до его плеча.

Тихонъ Платонычъ отнялъ руки отъ лица и взглянулъ на графа. Можетъ быть, въ другое время Мухину показалось-бы смѣшнымъ это старческое, сморщенное въ жалкую гримасу лицо, съ заплаканными глазами, но въ эту минуту графъ былъ самъ разстроенъ и ему было не до смѣху.

— Акимъ, бери его подъ руки, сказалъ онъ своему управляющему, и они, вдвоемъ, подняли съ земли Тихона Платоныча и повели его, какъ покорнаго ребенка, къ стойлѣ, гдѣ стояли лошади.

Когда ихъ увидали кучеръ и лѣсникъ, которые оставались при экипажахъ, то они не знали, что и подумать. Имъ пришло въ голову, что Тихона Платоныча нечаянно подстрѣлили на охотѣ.

— Садись съ нимъ въ мою коляску, сказалъ графъ Акимъ Петровичу, и отвези въ Березники. Я вернусь домой на бѣговыхъ дрожжахъ. Позаботься, чтобы ему перемѣнили бѣлье, добавилъ онъ. Можетъ простудиться, теперь холодно.

Очень удивился Антипычъ, увидавъ своего барина, разстроеннаго, съ заплаканными глазами и безъ собакъ.

— Что съ вами? спрашивалъ онъ участливо. Гдѣ же собаки?

Тихонъ Платонычъ только махнулъ рукою и молча прошелъ въ кабинетъ.

— Утонули собаки, объяснялъ тихонько Акимъ Петровичъ. На льду провалились. Не поминай ему пока, пусть успокоится. Ноги онъ себѣ промочилъ. Сними сапоги и перемѣни ему бѣлье. Мнѣ некогда; меня дожидается его сіятельство, добавилъ уходя Акимъ Петровичъ.

Антипычъ только ахалъ и разводилъ руками.

На диванѣ въ кабинетѣ сидѣлъ Тихонъ Платонычъ, опу-

стивъ руки и молча смотрѣлъ на тотъ уголъ возлѣ печи, гдѣ вчера сладко спали его единственные друзья, съ которыми онъ дѣлилъ и радость и горе, и которые скрашивали и оживляли его одинокую жизнь. Машинально онъ далъ Антипычу раздѣть себя и когда осмотрѣлся кругомъ, комната показалась ему необыкновенно пустой.

— Выпили бы наливочки. Ноги, вотъ, промочили... Долго ли простудиться?..—говорилъ Антипычъ.

— Что ты говоришь? спросилъ его Тихонъ Платонычъ.

— Говорю, выпили бы наливочки. Зачѣмъ себя разстроивать? На все Божья воля...

— Да, выпить надобно—сказалъ Тихонъ Платонычъ, и, припавъ лицомъ на диванъ, разрыдался, какъ ребенокъ.

На другой день графъ Мухинъ какъ только проснулся, такъ вспомнилъ вчерашнее происшествіе и пожалѣлъ собакъ и охотника.

— Надобно будетъ къ нему съѣздить. Все-таки—дворянинъ... и къ тому-же такой несчастный случай...—подумалъ онъ и велѣлъ заложить коляску.

Когда графъ пріѣхалъ въ Березники и вошелъ въ домъ, то въ передней увидѣлъ Антипыча, который лежалъ на полу и былъ совсѣмъ пьянъ. Разбудить его оказалось невозможнымъ. Изъ комнатъ доносилось протяжное пѣніе.—„По широкому раздолью“,—выводилъ кто-то пьянымъ голосомъ.

Графъ прошелъ залъ и отворилъ дверь въ кабинетъ.

Тамъ вдоль комнаты были поставлены стулья въ два ряда и сдвинуты другъ съ другомъ сидѣньями. Въ концѣ, ближе къ столу, стояло кресло, и на немъ сидѣлъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, Тихонъ Платонычъ. Въ рукахъ у него была простая лопата, которой онъ усердно гребъ по воздуху.

Березниковскія наливки сдѣлали свое дѣло. Осиротѣлый охотникъ забылъ горе и въ эту минуту воображалъ, что онъ атаманъ и плыветъ по Волгѣ на разбой. Сдвинутые стулья представляли лодку. Тихонъ Платонычъ съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ и когда увидѣлъ Мухина, отворившаго дверь, то грозно закричалъ на него:

„Сарынь на кичку“
и замахнулся на графа лопатой.

Мухинъ поспѣшилъ уѣхать.

„Удивительный народъ живетъ въ провинціи“, думалъ графъ, когда ѣхалъ обратно въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ.

Гумилинъ.